

Голованева Татьяна Александровна

СТЕПЕНЬ СОХРАННОСТИ ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫХ МОТИВОВ В МЕСТАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ОСЕДЛЫХ КОРЯКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ СОТРУДНИКОВ ИФЛ СО РАН 1991-2006 ГГ.)

В статье представлены данные, позволяющие проанализировать степень сохранности трансрегиональных мотивов в местах компактного проживания оседлых коряков в конце XX - начале XXI века. Как показывают экспедиционные исследования, до наших дней устойчиво сохранилось четыре трансрегиональных мотива: 1) персонаж не узнает свое отражение в воде, думает, что на него смотрит женщина, хочет на ней жениться; 2) персонаж имитирует свою смерть, чтобы жадно есть в одиночестве; 3) персонаж вынимает свои глаза и откладывает на время в сторону, другой их уничтожает или уносит, потерявший глаза возвращает их или же добывает новые; 4) мужчина превращается в женщину и выходит замуж.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 64-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 398.22

Филологические науки

В статье представлены данные, позволяющие проанализировать степень сохранности трансрегиональных мотивов в местах компактного проживания оседлых коряков в конце XX – начале XXI века. Как показывают экспедиционные исследования, до наших дней устойчиво сохранилось четыре трансрегиональных мотива: 1) персонаж не узнает свое отражение в воде, думает, что на него смотрит женщина, хочет на ней жениться; 2) персонаж имитирует свою смерть, чтобы жадно есть в одиночестве; 3) персонаж вынимает свои глаза и откладывает на время в сторону, другой их уничтожает или уносит, потерявший глаза возвращает их или же добывает новые; 4) мужчина превращается в женщину и выходит замуж.

Ключевые слова и фразы: аборигены Камчатки; коряки; фольклор коряков; сказки; мифологический эпос; Вороний цикл; трансрегиональные мотивы.

Голованева Татьяна Александровна, к. филол. н.

*Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
gta-77@mail.ru*

СТЕПЕНЬ СОХРАННОСТИ ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫХ МОТИВОВ В МЕСТАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ОСЕДЛЫХ КОРЯКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ СОТРУДНИКОВ ИФЛ СО РАН 1991-2006 ГГ.)[©]

Одно из актуальных направлений современной фольклористики изучает ареальное распространение фольклорных мотивов. Разработка методов этого направления связана с работами Юрия Евгеньевича Берёзкина [2]. Он использует возможности компьютерной обработки для анализа огромного корпуса фольклорных текстов. При этом выявляется фонд мотивов и пути их миграции.

В силу своего географического положения Камчатка находилась в промежуточной зоне, условно открытой для миграции племен. Камчатский фольклорный материал, ещё в начале XX в. зафиксированный В. Г. Богоразом [8] и В. И. Иохельсоном [9], отчасти и послужили Ю. Е. Берёзкину основой для выявления комплекса трансрегиональных мотивов Вороньего Цикла, распространенных у народов Дальнего Востока (коряков и ительменов) и североамериканских индейцев.

Фольклорный дальневосточный материал необходим для сопоставительных исследований, прослеживающих пути миграции мотивов. Но о том, каково состояние фольклорной традиции на Камчатке сейчас, можно узнать только по архивным материалам, т.к. последний крупный сборник фольклорных текстов было выпущен в 1974 г. Г. А. Меновшиковым [6].

В серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», выпускаемой сотрудниками сектора фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ИФЛ СО РАН, запланированы тома, посвященные фольклору коряков.

Институт филологии в этом направлении работает с 1991 г. С 1991 по 2006 гг. состоялось 6 экспедиций на п-ов Камчатка: **1991 г.** – пос. Оссора (А. Мальцева); **1992 г.** – пос. Оссора, пос. Палана (Совместная экспедиция Новосибирской консерватории и ИФЛ: Ю. Шейкин, А. Соктоев). Материал, собранный в ходе этой экспедиции, долгое время хранился не только не расшифрованным, но и вообще не описанным, так как непосредственно у самих участников экспедиции не было лингвистической квалификации, чтобы проанализировать его. Пленочные аудиозаписи экспедиции 1992 г. были расшифрованы ведущим сотрудником сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН А. Мальцевой совместно с носителями аллоторского языка: **2000 г.** – пос. Оссора, с. Тымлат (А. Мальцева); **2004 г.** – пос. Тиличики, с. Вывенка, с. Хаилино (Сотрудники ИФЛ СО РАН: А. Мальцева, Г. Солдатова, К. Сагалаев, А. Гомбожапов, Е. Крупич); **2005 г.** – п. Оссора, с. Тымлат (А. Мальцева); **2006 г.** – п. Палана, с. Лесная (Сотрудники ИФЛ СО РАН: А. Мальцева, Е. Исмагилова, А. Гомбожапов, К. Сагалаев).

Фонд расшифрованных с аудиозаписи и переведенных на русский язык текстов составляет 149 единиц [1]. Все эти тексты были расшифрованы и переведены Аллой Александровной Мальцевой совместно с носителями аллоторского языка. Тексты записаны на трёх диалектах, от 24 исполнителей. Сотрудниками Института филологии собран материал, отражающий процесс реального бытования фольклора оседлых коряков на рубеже XX и XXI вв.

Как показывают фольклорные материалы начала XX в., ядро палеоазиатского мифологического цикла составляли сюжеты о Большом Вороне, Куткыннюку, это трикстерский образ, образ плута [8; 9]. Ворон выступает в роли трикстера, для него характерно трюкачество, создание комических ситуаций [2, с. 219].

Ю. Е. Берёзкин выделил ряд трикстерских эпизодов Вороньего цикла, которые можно считать трансрегиональными. Именно эти мотивы и составляют архаическую основу фольклора племен, мигрирующих через Дальневосточную часть Евразийского континента на территорию Северной Америки. Опираясь на классификацию Ю. Е. Берёзкина и используя экспедиционные данные 1991-2006 гг., мы выделили 4 трансрегиональных

мотива, которые характеризуются достаточно устойчивым бытованием в современное время в местах компактного проживания оседлых коряков.

1. Персонаж не узнает свое отражение в воде, думает, что на него смотрит женщина, хочет на ней жениться [Там же, с. 220]. В корякском фольклоре этот мотив является частью мифологической сказки о том, как мыши проучили Большого Ворона Куткыннюку. Нам известно 17 зафиксированных вариантов этого сюжета. Сопоставительный анализ вариантов представлен в работе [3]. Самая ранняя запись была произведена Г. В. Стеллером в 1741 г. [7, с. 151-153]. До сих пор это один из самых популярных на Камчатке сюжетов. В настоящее время его бытование зафиксировано и среди кочевых [4], и среди оседлых коряков. За время экспедиционных исследований сотрудниками Института филологии в местах компактного проживания оседлых коряков было записано несколько вариантов этого сюжета, расшифровано **5 вариантов**: **1992 г.** – в пос. Оссора от Чечулина Василия Николаевича (1942 г.р.); **2004 г.** – 3 варианта в с. Вывенка от Мулитки Анны Егоровны (1926 г.р.), Васагиргиной Веры Васильевны (1944 г.р.), Камак Марии Васильевны (1952 г.р.); **2006 г.** – в пос. Палана от Белоусовой Варвары Кондратьевны (1930 г.р.).

Есть сюжеты, которые обладают какой-то удивительной, необъяснимой жизнестойкостью. Этот сюжет относится именно к таким. Все 5 вариантов очень подробны. В современных корякских фольклорных текстах устойчиво сохраняются приметы древнего быта: *каменная ступка для толчения, фигурный каменный пестик*, хотя быт коряков очень изменился, и сейчас, скорее, является общероссийским. Тем не менее, рассказчики по мере своих возможностей стараются в сказках воссоздавать быт древнего времени. Эта отсылка к традиционному укладу характерна буквально для всех современных корякских сказок.

Сюжет о Куткыннюку, сватающемся к своему отражению в воде, является очень известным на Камчатке, однако не каждый из рассказчиков, даже если и слышал эту сказку, соглашается рассказывать её. Есть ощущение, что сейчас рассказчики стремятся быть оригинальными, хотя рассказать нечто, известное только им. Сама тенденция современной культуры такова, что приоритет отдается уникальному знанию.

2. Персонаж имитирует свою смерть, чтобы жадно есть в одиночестве [2, с. 220]. Этот сюжет также входит в группу трансрегиональных эпизодов, возникновение которых восходит к тому времени, когда происходило заселение Северной Америки. Этот сюжет до сих пор является достаточно популярным на Камчатке. Сотрудниками Института филологии зафиксировано **4 варианта**: **1991 г.** – в пос. Оссора от Уваровой Евдокии Тимофеевны (1935 г.р.); **2000 г.** – в с. Тымлат от Нестерова Алексея Егоровича (1937 г.р.); **2004 г.** – в с. Вывенка от Мулитки Анны Егоровны (1926 г.р.); в **2006 г.** – в пос. Палана от Белоусовой Варвары Кондратьевны (1930 г.р.).

Сопоставляя варианты начала XX и начала XXI веков, мы видим, что редукция замечается не во всех вариантах. В некоторых современных текстах полностью сохраняется последовательность эпизодов, имеет место детализация текста, сопоставимая с традиционными, практически утраченными на сегодняшний день, технологиями: по велению Куткыннюку родственники кладут ему в яму глубокое каменное корыто, молоток для толчения, кипрей, ягоды, нерпичий жир. С другой стороны, в тексте, сложившемся на базе древнего, трансрегионального мотива, появляются приметы современности.

Корякская фольклорная традиция позволяет рассказчику выдумывать на ходу, дополнять неповторимыми деталями изображение традиционных героев: *{Мити запела:} Ик, Куткыннюку, когда мы с ним стали жить, Куткыннюку в ботинках был, в черных брюках, Куткыннюку в черном костюме, в белой рубашке. <...> Куткыннюку раньше был в фуражке, хорошо выглядел. Куткыннюку еще и в медалях был. Куткыннюку раньше-то еще и в галстуже был. На него посмотрю* (текст записан А. А. Мальцевой в 2000 г. в с. Тымлат от Нестерова Алексея Егоровича, 1937 г.р.) [1].

Корякская фольклорная система не является строго канонизированной, есть некоторая магистральная сюжетная линия, которой рассказчик придерживается, но наполняет изображение деталями так, как позволяет ему, во-первых, локальная традиция, во-вторых, индивидуальная повествовательная манера и художественная одаренность.

3. Персонаж вынимает свои глаза и откладывает на время в сторону. Другой их уничтожает или уносит. Потерявший глаза возвращает их или же добывает новые [2, с. 222].

Сотрудниками ИФЛ СО РАН этот сюжет зафиксирован **в трёх вариантах**: **2004 г.** – в с. Вывенка от Йокки Сергея Григорьевича (1952 г.р.); **2006 г.** – в п. Палана от Белоусовой Варвары Кондратьевны (1930 г.р.); **2006 г.** – в с. Лесная от Ягановой Екатерины Григорьевны (1943 г.р.).

В корякском фольклоре эпизод о том, как лиса (в одном варианте сам Куткыннюку) оставляет глаза сушить на кустике, а сама засыпает, это только часть «многосерийной» мифологической сказки о Лисе и Куткыннюку. Сюжет о Куткыннюку и Лисе испытал на себе влияние русской традиции, причем это влияние проявляется неоднородно. Например, в варианте, записанном от Голиковой Татьяны Николаевны, Куткыннюку собирается убить лису, чтобы Мити сшила из лисьей шкуры шапку (текст записан в 2006 г. в пос. Палана от Голиковой Татьяны Николаевны, 1937 г.р.) [1]. *Сшить из лисьей шкуры шапку* – сюжетная деталь, заимствованная из русского фольклора, так как традиционные корякские шапки шьются из оленьей шкуры. В другом варианте, по подобию русской сказки, Лиса ловит рыбу: *Вдоль реки идёт {Куткыннюку}. Вдруг увидел: Лиса-женщина рыбу ловит. Крючком ловит, много поймала рыбы* (текст записан в 2004 г. в с. Вывенка от Йокки Сергея Григорьевича, 1952 г.р.) [Там же]. Этот эпизод в других вариантах не встречается, очевидно, что он сформировался под влиянием русской сказки «Лисичка Сестричка и Волк». В корякской фольклорной традиции Лиса рыбу не ловит. Она её находит: *Пошла Лиса к морю. Пришла на берег.*

Увидела одну наважку. Очень обрадовалась Лиса (текст записан в 2006 г. в пос. Палана от Белоусовой Варвары Кондратьевны, 1930 г.р.) [Там же].

Не всегда можно понять, почему именно тот, а не другой эпизод устойчиво сохраняется в устной традиции. Эпизод о том, как Лиса сушила глаза, один из немногих анатомических эпизодов, сохранившихся в корякской культуре до наших дней: *И так Лиса стала вылезать на берег. Кое-как она вылезла. Все сняла с себя. Повесила сушить свой комбинезон. И глаза тоже на ветку повесила сушиться. Пока спала Лиса, Куткыннюку её водой обрызгал. <...> Нашла кусты голубицы... Поставила глаза* (текст записан в 2006 г. в п. Палана от Белоусовой Варвары Кондратьевны, 1930 г.р.) [Там же]; *Сняла Лиса-женщина кухлянку. На дерево повесила. {Думает}: «Плохо, глаза тоже промокли. Также пусть высохнут, потому что ничего не вижу». Вытащила глаза. Там повесила. Куткыннюку под деревом смеётся. Там легла Лиса-женщина: «Я пока погреюсь на солнце на берегу». Куткыннюку нашёл две ягоды медвежьих ушек. Привязал там. Потихоньку подошёл к дереву. Глаза снял, ягоды поставил. Опять спрятался. Проснулась Сасусанавит: «Наверно, высохли мои кухлянка и глаза»* (текст записан в 2004 г. в с. Вывенка от Ёюкки Сергея Григорьевича, 1952 г.р.) [Там же].

Возможно, на устойчивость бытования древнего эпизода повлияла его «осязаемость», детализированная конкретность изображения, условно соотносимая с теми реалиями, которые знакомы и рассказчику, и слушателю: описание ягод (в сказке они заменяют глаза), происходит с опорой на эмпирический опыт сезонного сбора лесных ягод, общий и для рассказчика, и для слушателей. Анализируя корякские мифологические сказки, записанные в начале XX в., Е. М. Мелетинский отметил, что корякская фантастика имеет своеобразный «анатомический» уклон [5, с. 107-108]. Судя по экспедиционным материалам института филологии, анатомический уклон частично сохраняется в современной фольклорной традиции, хотя влияние его, по сравнению с началом XX в., становится гораздо менее заметным.

4. Мужчина превращается в женщину и выходит замуж [2, с. 220]. Этот сюжет был популярен в корякской мифологии в начале XX в., однако в настоящее время, эпизод гораздо менее известен. В ходе экспедиций было записано **три варианта: 2004 г.** – в с. Вывенка от Поповой Анны Ивановны (1953 г.р.); **2005 г.** – в с. Тымлат от Нестеровой Ирины Егоровны (1933 г.р.); **2006 г.** – в пос. Палана от Белоусовой Варвары Кондратьевны (1930 г.р.): *А Куткыннюку надел кухлянку и штаны дочери. Красиво одет в женскую одежду. <...> Куткыннюку режет жир и кладёт в мешок жир, и мясо тюленя вешает, режет тонко и мясо оленя тоже быстро вешает. И прячется. {О нём думают:} «Ой, красивая женищина пришла, где же она? Ну надо же, какая хорошая женищина! И всё делает, что угодно!»* (текст записан в 2005 г. в с. Тымлат от Ирины Егоровны Нестеровой) [1]; *Потом отрезал {Куткыннюку} свой половой орган. Отрезал, там повесил. <...> А Куткыннюку шкуры выдeldывает. Платок надел по-женски* (текст записан в 2006 г. в пос. Палана от Веры Кондратьевны Белоусовой, 1930 г.р.) [Там же].

В силу этических причин этот сюжет не был опубликован в сборниках корякских сказок советского времени, однако он сохранился в живой устной традиции. Превращение Куткыннюку в женщину обусловлено трикстерской природой этого персонажа. В фольклорных записях начала XX в. половое оборотничество Большого Ворона было связано с представлениями о его шаманской силе, об этом в своём исследовании пишет Е. М. Мелетинский: «Ворон совершает (в мифах, как индейцев, так и палеоазиатов) попытки переменить свой пол, выйти замуж и т.п. Мотив этот сопоставим с шаманством превращённого пола, но он также указывает и на медиативную функцию между мужским и женским началом» [5, с. 114]. В современных фольклорных текстах половое оборотничество Куткыннюку не связано с шаманской составляющей образа Большого Ворона, является средством создания комического эффекта и, одновременно с этим, реликтом древнего сюжета.

Условно можно говорить о сохранности ещё одного трансрегионального мотива: **5. Персонаж меняет обличье, чтобы сочетаться с близким родственником по нисходящей линии** [2, с. 220]. Записан только один вариант этого сюжета: в 1992 г. в п. Оссора от Чечулиной Натальи Григорьевны (1918 г.р.). Проблема состоит в том, что в ходе экспедиционных исследований конца XX – начала XXI в. зафиксирован только один вариант данного сюжета. Кроме того, текст фрагментарен, в нём есть явные сюжетные сбои. К настоящему времени мотив практически утрачен. Вероятно, утрата данного сюжетобразующего мотива связана с резким осуждением инцеста на протяжении всего XX в., что отразилось на бытовании повествовательной фольклорной традиции, вытеснив «запрещённый» мотив из сюжетно-мотивного фонда традиционного фольклора.

Экспедиционные материалы отчетливо показывают, что в начале XXI в. в фольклоре береговых коряков фигура Большого Ворона продолжает оставаться одной из центральных, но сюжетно-мотивный фонд меняется. Эти изменения обусловлены изменениями бытового уклада коряков, изменением системы ценностей, влиянием иноэтнической фольклорной традиции.

Список литературы

1. **Архив корякских фольклорных текстов** / собр. и пер. А. А. Мальцевой; вед. науч. сотр. Сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.
2. **Березкин Ю. Е.** Мифы заселяют Америку. Ареальное распространение фольклорных мотивов и ранние миграции в новый Свет. М.: ОГИ, 2007. 360 с.
3. **Голованева Т. А.** Сопоставительный анализ вариантов сюжета «Большой Ворон (Куткыннюку) и мыши» в фольклоре оленных коряков (чавчуленов), оседлых коряков (нымылан), ительменов, кереков // Языки и фольклор народов Сибири. 2014. № 1 (26). С. 27-48.

4. Голованева Т. А., Мальцева А. А. Вариант сказки «Куткыннюку и мыши», записанный на корякском языке от Александры Алексеевны Симоновой // Языки и фольклор народов Сибири. 2014. № 1 (26). С. 48-53.
5. Мелетинский Е. М. Структурно-типологический анализ мифов северо-восточных палеоазиатов (Вороний цикл) // Мелетинский Е. М. Избранный статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 2008. С. 105-162.
6. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / сост., предисл. и прим. Г. А. Меновщикова. М.: Наука, 1974. 647 с.
7. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. 288 с.
8. Bogoras W. Koryak Texts. Leyden, 1917. 154 p.
9. Johelson W. The Koryak. Leyden, 1908. 378 p.

**THE PRESERVATION DEGREE OF TRANSREGIONAL MOTIVES
IN THE PLACES OF A COMPACT RESIDENCE OF SETTLED KORYAKS
(BY THE MATERIALS OF EXPEDITIONS OF THE MEMBERS OF THE INSTITUTE OF PHILOLOGY
OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN 1991-2006)**

Golovaneva Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
gta-77@mail.ru*

The article presents the data, which allow analyzing the preservation degree of transregional motives in the places of compact residence of settled Koryaks at the end of XX – the beginning of XXI century. As expedition studies show four transregional motives have been kept up to now: 1) the character doesn't recognize his reflection in the water, he thinks that a woman looks at him, he wants to marry her; 2) the character imitates his death to eat hungrily in loneliness; 3) the character pulls out his eyes and lays them aside for a while, the other character destroys them or carries away, the one, who lost his eyes, returns them or obtains new ones; 4) the man turns into a woman and marries him.

Key words and phrases: Kamchatka aborigines; the Koryaks; the Koryaks' folklore; fairy tales; mythological epos; the Raven's cycle; transregional motives.

УДК 81'374

Филологические науки

В статье анализируется работа организаций, занимающихся созданием лексикографических информационных ресурсов социально-гуманитарной направленности. Выделяются и кратко характеризуются основные виды в современной отечественной организационно-фирменной структуре в области лексикографии. Рассматриваются лексикографические информационные ресурсы социально-гуманитарной направленности, генерируемые в этих организациях.

Ключевые слова и фразы: лексикография; лексикографический информационный ресурс; создатели лексикографических информационных ресурсов; социально-гуманитарной направленность; организационно-фирменная структура.

Гончарова Виктория Владимировна, к. пед. н., доцент

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
souris13@yandex.ru*

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ СОЗДАНИЕМ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ[©]**

Современные лексикографические информационные ресурсы социально-гуманитарной направленности многочисленны и разнообразны. Наиболее распространенными среди специалистов стали следующие виды: словарные произведения, национальный корпус, онтология, периодические и продолжающиеся издания лексикографической тематики, лексикографические порталы и сайты, сетевые продукты и др. Предметом данного исследования являются современные лексикографические информационные ресурсы (ЛИР) социально-гуманитарной направленности, созданные различными отечественными организациями.

В среде создателей отечественных лексикографических информационных ресурсов социально-гуманитарной направленности были выделены следующие основные группы:

- институты системы Российской Академии Наук (РАН);
- высшие учебные заведения;
- национальные общества, комитеты;
- лексикографические центры;
- лексикографические лаборатории;